

Андрей Галамага

Кареглазый ангел

Книга стихотворений

АНДРЕЙ ГАЛАМАГА

**КАРЕГЛАЗЫЙ
АНГЕЛ**

Книга стихотворений

АКП «АКФЭСТ»
Москва 2007

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Г86

Предисловие Александра Пахотина
Редактор Эдуард Балашов
Художник Александра Панина
Оформление и верстка Бориса Базанова

В оформлении книги использованы фото Михаила Панина.
«Студия Панина», www.paninstudio.ru

Автор благодарит Сергея Юрьевича Слюсаря
за содействие в издании книги.

Г 86 Галамага А. Кареглазый ангел.
М.: ООО АКП «АКФЭСТ»
ISBN 5-86170-019-2

«Кареглазый ангел» — новая книга стихотворений Андрея Галамаги — включила в себя как стихи, созданные за последние два года, так и написанные несколькими годами ранее, но еще не опубликованные.

Его трагически окрашенная и несколько экзистенциальная, но при этом оптимистичная лирика гармонично соединяет в себе божественное и земное, страстное и рациональное, философское и бытовое, рефлексивное и романтическое.

Андрей Галамага — член Союза писателей России, автор четырех сборников стихотворений, нескольких пьес и киносценариев.

В октябре 2007 года Андрей Галамага завоевал престижную награду на всемирном фестивале русской поэзии «Пушкин в Британии» в Лондоне.

© Текст. А. Галамага, 2007

© Оформление. Б. Базанов, А. Панина, М. Панин, 2007

© ООО АКП «АКФЭСТ», 2007

*Все было дивно в ней... Печальна и бледна,
Мне Божьим Ангелом явилася она.*

**Аполлон Григорьев
Дневник любви и молитвы**

СОДЕРЖАНИЕ

«Спешить — и не достигнуть цели...»	13
«Последним воскресением зимы...»	14
«Блажен, кто умер, думая о Боге...»	16
Таня	18
«Полночь запечатлена...»	19
Девочка с Таганки	20
«На бульварах к утру постепенно светлеет...»	22
«Забвение — не казнь, предательство — не пытка...»	25
Кукла	26
«Вечер выдался теплый и сочный...»	28
«Чудно на лаврах поживать...»	30
«Прости, — довольно глупости плести...»	32
«Москва. Весна конца восьмидесятых...»	34
«Нечаянно родившись заново...»	36
«Опять я за полночь сижу...»	39
«Не то тебе заботы не хватало...»	40
«К рассудку твоему вотще...»	42
«Друзья, трудясь день ото дня...»	44
«Коль не суждено достигнуть цели...»	46
«Боже, до чего же одиноко...»	48
«Задача. А — банально любит Б...»	49
«Я не пойму, за что я так наказан...»	53
«Я завидую тем, кто умеет скучать...»	55
«Суд совершился. Ходу нет обратно...»	57
Из пророка Исаии	59
«В непридуманном мире кончается лето...»	60
Фотография	61
Август	65
«Полянка, Якиманка и так далее...»	66

«Его стая для славы растила...»	68
«С тех пор, как, доливстав последний том...»	70
«Тень не напускаю на плетень я...»	72
«Я помнил все. Мельчайшая подробность...»	74
«Я снова заглянул к тебе с утра...»	77
«Безумствовать — право поэта...»	79
«Возможно, я умел не так уж много...»	81
«Ради исключения из правила...»	83
«Я жить привык азартно...»	85
«Порой упрям, подчас настойчив...»	89
«Сырая ночь осеннего поселка...»	92
«Мне даже мысль, — с тобою разойтись...»	94
«Я не верю в намеренье добрых...»	96
Оккервиль	98
«Рассвет. Остывшей ночи след простыл...»	101
«Москвою снова правит листопад...»	103
Дуэль	105
«Над Маросейкой промозглая морось...»	106
Одиночество	108
«Я оступался, торопясь...»	113
«Не спешите меня позабавить...»	115
Расстрига	117
«Студеным утром встать до света...»	118
«Не верь, что с меня довольно...»	120
«Не тоска — а уходить пора...»	122
«Она сидела и скучала...»	125
«Февраль все выбелил вокруг...»	127
«Снег порциями опускался вниз...»	130
«Я проиграл. Но я еще живой...»	132

НА ПОРОГЕ К СЕРДЦУ ТВОЕМУ...

Скажу честно, когда поэт Андрей Галамага скромно спросил меня (даже не попросил), могу ли я написать несколько слов о его стихах, я был польщен. Андрея я знаю уже несколько лет. Наше знакомство не имело ничего общего с его поэзией. Да я, после знакомства с ним, даже и не знал год или два, что Андрей — поэт. А сам он об этом не упоминал. Можно, конечно, отнести это к его скромности, но, мне кажется, у Андрея просто не было повода.

Сейчас я даже и не помню, как и когда я увидел его давнишний сборник стихов (небольшую книжицу, лежавшую на одной из полок в его кабинете). Андрей, заметив мой любопытствующий взгляд, сказал, что он поэт, выпускник Литературного института, и подарил мне этот сборник.

Поскольку сам я филолог и переводчик, к тому же проработавший около десяти лет за границей, мне доводилось встречаться и общаться со многими творческими людьми — поэтами, драматургами, писателями, художниками, фотографами, — и некоторые из них дарили мне свои произведения.

Что касается драматургов, писателей, художников и фотографов, то большинство их подарков были добротными, профессиональными работами талантливых людей.

Что же касается поэтов, то здесь картина была прямо противоположной. Я ни в коей мере не хочу обидеть поэтов, — скорее всего, виноват я сам. Должен признаться,

я не ярый поклонник поэзии и не считаю себя ее знатоком. Может быть, именно поэтому мне очень трудно угодить. Моя привередливость настолько велика, что едва ли найдется поэт, лирика которого мне нравилось бы целиком.

В больших и маленьких сборниках больших и маленьких поэтов (хотя понятие большой или маленький по отношению к поэтам весьма субъективно), в лучшем случае, меня трогали два-три стихотворения, а порой и вовсе лишь несколько строк. Таким образом, чаще всего я разочаровывался.

Постепенно мой энтузиазм по поводу подаренных мне поэтических книг угас, и подобного рода подарки перестали вызывать у меня предчувствие открытия нового имени. В конечном итоге, я даже стал вежливо отказываться от книг, которые поэты намеревались мне подарить. А если книгу мне все-таки вручали, я, предчувствуя очередное разочарование, просто откладывал чтение стихов на потом.

Теперь вы понимаете моё смущение, когда Андрей подписал и подарил мне свой сборник. Не имея возможности отказаться, я принял подарок и спрятал в сумку. Я, во всяком случае, не собирался читать ее сразу же, боясь очередного разочарования. Однако случилось так, что, сев в вагон метро, я вспомнил о подарке и достал книжку Андрея.

И вот тогда, «трясаясь в прокуренном вагоне» (к счастью, в метро нельзя курить, и вагон не был прокурен), я испытал чувство изумления. Да, за многие годы я отвык от настоящей поэзии, именно поэтому мое изумление было

искренним и большим. Стихи Андрея Галамаги оказались настоящей поэзией. Поэзией высшего качества. Поэзией, которая трогает и душу, и сердце, и голову.

Простая, ясная и четкая, но истинно поэтическая речь льется со страниц сборника и заряжает читателя эмоциональной энергией лирического героя. Читая стихи Андрея, начинаешь понимать, что такое подлинная поэзия. Его стихи, как свежий ветер, как внезапное ощущение красоты, когда глаз вдруг выхватывает из сплошного серого фона яркий цветок или ажурный осенний желтый лист.

И вот недавно Андрей дал мне почитать рукопись своей новой книжки, той самой, которую читатель держит сейчас в руках. Этот сборник, — единый цикл, вместивший в себя многое из того, над чем мы размышляем: любовь, жизнь, смерть, красота, предательство, покаяние, отчаяние и неодолимая вера в силу жизни и любви. И в каждом стихотворении читатель находит что-то новое, порой неожиданное, но всегда прекрасное с точки зрения поэзии.

Поэзии Андрея чужды вычурность, манерность, псевдовозвышенность и искусственность. Нет в ней ни пошлости, ни присущего многим современным поэтам стремления шокировать читателей непристойной лексикой или озадачить мудреным словом, а то и неуклюжим доморощенным неологизмом. Зато есть в его стихах тонкая, порой едва уловимая, ирония над самим собой, над своими переживаниями, над своей болью.

Его трагически окрашенная и несколько экзистенциальная, но, каким-то непостижимым образом, все-таки

оптимистичная лирика гармонично соединяет в себе божественное и земное, страстное и рациональное, философское и бытовое, рефлексивное и романтическое.

В стихах Андрея Галамага я почувствовал абсолютное попадание в тончайшую поэтическую тональность. Ему, словно музыканту-виртуозу, удается точно, со всеми нюансами передать всю глубину эмоционального состояния, всю насыщенность чувств, воплощенную в поэтическом слове.

В стихах Андрея видна его необычайная любовь к своему городу. Московские улочки и переулки неразрывно переплетаются с судьбой лирического героя. Москва становится полноправным героем его стихов.

Откровенно говоря, я завидую читателям, которые впервые откроют для себя имя поэта Андрея Галамага. Уверен, что его стихи не просто вызовут положительный эмоциональный отклик, они непременно заставят читателей вновь убедиться в том, что настоящими, большими поэтами не становятся, ими рождаются.

*Александр Пахотин,
журналист, литературный переводчик,
член Союза переводчиков России*

* * *

Спешить — и не достигнуть цели,
Сражаться — и не победить.
Жить — на пределе, но на деле
Так жажду и не утолить.

Любить — до дна, не зная меры,
Не оставляя про запас.
Креститься — с безрассудством веры,
Так — словно бы в последний раз.

И в час, когда тебя к ответу
Трубящий ангел вознесет,
Поднять глаза навстречу Свету
И поблагодарить за все.

* * *

Последним воскресением зимы
По узким улочкам Замоскворечья,
По тем местам, где вместе были мы,
Пройтись, наружу вырвавшись из тьмы,
И не отчаяться, и не отречься.

Казалось бы, всего на полчаса
Нам стоит оказаться на Ордынке,
И снова ты поверишь в чудеса —
Прекрасна, как весенняя роса
На тоненькой нетронутой травинке.

Часы застыли. Тиканье пружин
Прервалось на последнем обороте.
Я снова жив. Но снова здесь один,
Как будто безраздельный властелин
Всех проходных дворов и подворотен.

Мы знали тайну. В предрассветный час
Они, как музыкальная шкатулка.
Их звук с тобой мы слышали не раз,
И не было волшебнее для нас
Замоскворецких сонных закоулков.

Я не могу поверить, что сюда
Ты больше никогда не возвратишься.
Что я один — невелика беда,
Но нет страшнее слова — никогда,
Из словаря посмертного затишья.

И каждый день, как грешник, по утрам
Я нашему молюсь Замоскворечью.
Брожу по переулкам и дворам
И жду, что небо улыбнется нам,
И ты — из прошлого шагнешь навстречу.

* * *

Блажен, кто умер, думая о Боге,
В кругу благовоспитанных детей.
А я умру, как гонщик, на дороге,
С заклинившей коробкой скоростей.

Я равнодушен к почестям, наградам,
К тому, чтоб их любой ценой добыть.
Но раньше ты была со мною рядом,
И я с тобой — не мог не победить.

Как верный штурман, с самого начала,
За каждый поворот и перевал
На трассе — ты без страха отвечала,
И я беспрекословно доверял.

Не верю, что ты просто испугалась.
Но как-то раз, без видимых причин,
Ты не пришла, сославшись на усталость,
И я остался без тебя один.

Мне не достало чуточку удачи.
Но, помнишь, мой небесный знак — стрелец.
И я достигну верхней передачи
И все из жизни выжму под конец.

И мне не будет за себя обидно,
Я гонку честно до конца довел.
И если я погибну, то — погибну
С педалью газа — до упора в пол.

ТАНЯ

На другом ли имени, на этом
Мог остановиться он случайно...
Но Татьяна — избрана поэтом,
Как признание: Таня — это тайна.

Таня — это таяние снега,
Светлое весеннее смятенье,
Радуга, смеющаяся с неба,
Предвещающая миг преображенья.

Таня — золотой узор на ткани.
Таня — тень горящего каштана.
Путеводный огонек в тумане,
Наделенный силой талисмана.

Таня — как сердцебиенье танца,
Ангела нетленное дыханье.
Оттого-то счастья, может статься,
Так желал поэт своей Татьяне.

Это имя — не сравнить с другими,
Не отнять и не убить в поэте.
Он не зря твое прославил имя —
Самое прекрасное на свете!

* * *

Полночь запечатлена,
Млечная кружит дорога.
Горечь испита сполна, —
Масляный привкус Ван-Гога.
Чудится в вечной ночи,
В выверенной круговерти
Пламя чадающей свечи —
Иллюминация смерти.
Перехлестнув через край,
Ночь очумела от боли.
Чудится — не умирай...
То ли отчаянье... То ли
Все еще рано решать,
Что пустота победила.
Буду ходить и дышать.
Буду, покуда есть силы,
Верить всю ночь напролет
В силу раскаянья. Буду
Ждать неизбежный восход,
Словно надежду — на чудо.

ДЕВОЧКА С ТАГАНКИ

Мне сегодня, братцы, не до пьянки,
Хоть бы вы поили задарма.
Золотая девочка с Таганки,
Как же ты свела меня с ума?

Для того ли я тебе поверил,
Чтобы на пудовые замки
Ты передо мной закрыла двери
И не отвечала на звонки?

Ведь ни разу я тебя не предал,
Никогда тебе не изменил,
Но до помрачения, до бреда
Как-то не нарочно полюбил.

За уменье от души смеяться,
Презирать разнеженность и лень,
За манеру стильно наряжаться,
За твои две сигаретки в день.

Зря я называл тебя малышкой,
Знал я, что ты режешь без ножа,
Что приличный кунцевский парнишка
Превратился в сущего бомжа.

Он, как я, считал себя причастным
К вечности, даря тебе цветы.
Мы теперь с ним — братья по несчастью,
И несчастье наше — это ты.

Только я из-за тебя не стану
Опускаться медленно на дно...
Братцы, я не прикоснусь к стакану,
Будь там хоть столетнее вино.

Бесполезно слушать назиданья,
Мой пример дороже дельных слов.
Кто связался с ангельским созданием
Должен быть к страданию готов.

Пусть гордится стройностью осанки,
Ей не я, а Бог один судья...
Солнечная девочка с Таганки,
Золотая девочка моя!

* * *

На бульварах к утру постепенно светлеет,
В сонный город внезапно вступает весна.
Ты сказала, разбитую чашку не склеить?
Бог с ней, с чашкою этой. Далась нам она!

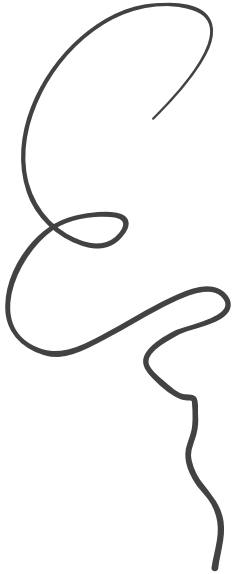
Телефон надорвался от перенабора.
Почему ты молчишь? Я прошу. Отвечай.
Стоит ли из-за крохотной горстки фарфора
Хоронить равнодушно еще один май?

Ночь нарочно нам шепчет, что мы проиграли.
Ей не просто признать, что рассвет мудреней;
И разбитая чашка — не Чаша Грааля,
Чтобы так фанатично молиться над ней.

Дай мне руку. Поверь, на земле никого нет,
Кто любовь нашу смог бы случайно разбить.
Я всего лишь хочу пить из хрупких ладоней
И тебя, добрый ангел, с ладони поить.

* * *

Забвение — не казнь, предательство — не пытка,
Двустворчатая ночь, двуликая луна,
Зачеркнутая речь, закаятая калитка.
Наверно, ты верна, и все-таки — одна.

Нет нужды ожидать, нет власти оставаться,
Но разницу в цене не исплатить сполна.
Уйти — не уцелеть, проснуться — не признаться.
Конечно, ты честна, и все-таки — одна.

Что проку проклинать крапленую колоду,
Тюрьма или сума — ты выбрала сама.
Ни Богу в похвалу, ни дьяволу в угоду.
Прокоротать бы ночь, чтоб не сойти с ума.

КУКЛА

Я один уже который вечер,
Только тень мерцает у стола.
Маленький, любимый человечек,
Почему ты от меня ушла?

Может, был я чересчур рассеян,
Может, невнимателен я был.
Но всем сердцем и душою всею
Больше жизни я тебя любил.

Так любил, что каждое мгновенье
Небу, солнцу, звездам, облакам
Посылал свое благословенье
За любовь, подаренную нам.

Ветреная рыжая подружка...
Ночь не может дрожь унять в руках.
Только кукла — маленький Петрушка,
Твой близнец, забытый второпях, —

Я смеюсь — и он со мной смеется,
Я грущу — и он со мной грустит.
Иногда он молча улыбнется,
Так, как прежде улыбалась ты.

Что мы доказали этой жертвой?
Плача об утраченной мечте,
Вразной звенят над этажеркой
Колокольчики на колпачке.

* * *

Вечер выдался теплый и сочный;
Под песочным закатом вдвоем
Мы гуляем с приемною дочкой,
Бесконечно родным существом.

Мы идем, не роняя ни слова,
По настилу из прелой листвы
В графском парке в селе Воронцово,
В юго-западной части Москвы.

Мне помочь ей мучительно нечем,
Как ни пробую, с разных сторон.
Этот светлый, ручной человечек
Безнадежно и больно влюблен.

Тень беззвучная, как в пантомиме,
Ей мерещится среди стволов.
Может быть, как никто в этом мире,
Ее боль разделить я готов.

Я не стану советовать наспех
То, что сам не приму ни за что.
Приближается ранняя Пасха.
Может, ждет еще нас торжество.

Может начисто наши печали
Смоет ливень грядущей весны.
Церковь Троицы Живоначальной,
Помоги, сохрани и спаси.

Две души, до смешного влюбленных;
Что с того, что любовь — не в цене.
Восемнадцатилетний ребенок
Сквозь закат улыбается мне.

* * *

Чудно на лаврах почивать,
Учась на собственном примере.
Но я с тобой, по крайней мере,
Постиг искусство выживать.

На Рождество ждала меня
Табличка на могильном камне.
Нет, видимо, была судьба мне
Дожить до Троицына дня.

Ты, будто чувствуя подвох,
Вдруг позвонила накануне;
Но я, представь себе, не умер,
И тем застал тебя врасплох.

Был сыгран предпоследний акт
Классического водевиля;
Мы исчерпали все, в чем был я
Перед тобою виноват.

Я, наконец, смог отделить
Раскаянье от искупленья.
Пусть я не выпросил прощенья,
Но перестал себя винить.

Нам не пристало проводить
Сомнительные параллели,
Но так, как мы любить умели,
Дано не каждому любить.

И если для тебя слова
Любовь и Бог не много значат, —
Пока я чувствую иначе,
Я верю, что любовь жива.

И все, что нужно нам двоим, —
Всего лишь чуточку терпенья.
Дожить бы только до Успенья,
А там еще мы поглядим.

* * *

Прости, — довольно глупости плести;
Давно пора остановить свой выбор.
Мы маемся, как пойманные рыбы,
В сетях московской майской духоты.

Я стал, благодаря тебе, жесток.
Мне дорого далось — начать с начала.
Ты прежде никогда не умирала?
Я умирал. Теперь пришел твой срок.

Как смахивают крошки со стола,
Ты приговор произнесла в глаза мне.
Я сам не верил в силу предсказаний,
Которые наговорил со зла.

Казалось, мир открылся мне насквозь.
Мной не владели месть или обида.
Но нестерпимый привкус суицида
Доказывал, что худшее сбылось.

Напрасно все, день выжжен до золы;
И вечер ничего уже не значит;
Не в силах что-нибудь переиначить,
Ночь корчится на кончике иглы.

Сочится сквозь асфальтовый настил
Горячий яд отравленного мая.
Мы мечемся, мучительно глотая
Заразный воздух из последних сил.

* * *

Москва. Весна конца восьмидесятых.
Тысячелетней церкви торжество.
Меня не то, чтоб приняли, как брата,
Скорее я сошел за своего.

Я в свете богословских категорий
Был недостаточно воцерковлен,
Что, впрочем, не мешало петь мне в хоре
И даже делать доски для икон.

В то время было все гораздо строже;
У старожилов странный был подход,
Те с ходу отвергали по одежке
Всех, кто посмел не соблюсти дресс-код.

А я не мог понять, свои проступки,
Свои грехи безжалостно кляня,
Чем, например, девчонка в мини-юбке
Для Бога неугоднее меня.

И, поднимаясь всякий раз на клирос
Иль стоя на молитве дотемна,
Я сомневался в том, что Божья милость
Меж избранными распределена.

Я шел к себе. Путями непростыми.
Грешил, отчаивался, унывал.
Что ж, на ступеньку рядом со святыми
Я никогда и не претендовал.

Но верил, словно истинный ревнитель,
Сквозь разочарование и боль,
Спаситель примет всех в свою обитель
И упразднит досужий фейс-контроль.

* * *

Нечаянно родившись заново,
Я снова начал этим летом
Читать Георгия Иванова
И спать с невыключенным светом.

Во всем, что мы считали будничным,
Открылся творчества источник,
По сретенским невзрачным улочкам
Сквозила вечность между строчек.

Там, где случайного прохожего
В урочный час не чаешь встретить,
Лучей причудливое крошево
На нас раскидывало сети.

Жара под крыши горожан гнала;
Но ты, без преувеличенья,
И в зной казалась краше ангела,
Увиденного Боттичелли.

И облака — благие вестники —
Струились высью голубою
От Сухаревки до Рождественки,
Благословляя нас с тобою.

Handwritten signature or scribble.

* * *

Опять я за полночь сижу
И книги старые листаю;
На бабочек ночную стаю
Гляжу. И про себя твержу:
Как неразменна тишина,
Когда один, когда не спится
И можно запросто пуститься
В памятные времена
И обнаружить, что в иных
Веках все точно так же было:
И так же ты меня любила,
И те же небеса двоих
Соединяли — нас с тобой,
И ливни так похоже лились,
И те же бабочки кружились
Над пламенем свечи ночной;
И все, чем дышит и растет
Земля, — от века неразменно.
Кто времени назначит цену?
Кто смелость на себя возьмет
Определить последний час?
Нет, свет один сияет людям.
И мы еще живем и любим,
И вечность проступает в нас.

* * *

Не то тебе заботы не хватало,
Не то ее избыток тяготил;
Не то, чтобы ты выбилась из сил,
Но, так или иначе, ты устала.

Тебя вокруг никто не осудил,
Твой шаг казался слабостью минутной;
Как будто бы ты не ушла, как будто
Желала просто остудить мой пыл.

В твоём поступке чувствовалось смутно
Стремленье что-то переоценить.
Но оценить — не значит изменить,
А уж тем паче — изменить кому-то.

Я проявил недюжинную прыть,
Но не нашел отчетливой причины,
И предпочел явиться сам с повинной,
Чем обвинять или, не дай Бог, мстить.

Я не мальчишка — в сорок семь с полтиной,
Но и не запасной аэродром;
И дом, что мы построили вдвоем —
Не место для посадки аварийной.

И я не перестал стоять на том,
Что сердце разорвать в порыве страстном —
Все лучше, чем нечаянно погаснуть,
Откладывая счастье на потом.

* * *

К рассудку твоему вотще
Прокладываю шаткий мостик.
Я постигаю суть вещей.
Но, что до женщин, я — агностик.

Признание своего ума
Ты благосклонно принимаешь,
Хоть, в чем твой ум, лишь ты сама,
И то — недостоверно, знаешь.

Ты строишь жизненный сюжет,
Как в живописи — на эскизах.
Но я запутался уже
В твоих обидах и капризах,

Запутался в сетях твоих
Самостоятельных решений.
Как будто в жизни на двоих
Нам не довольно искушений.

Стремясь добиться своего,
Ты на все руки мастерица.
Не можешь только одного:
Подумать. И остановиться.

Я тоже легок на подъем,
И так же презираю лень я,
И тем скорее мы дойдем
До грани самоистребленья.

Но, невзирая ни на что,
От счастья своего бежим мы...
О, женщина! Ты — Божество.
Пути твои — непостижимы!

* * *

Друзья, трудясь день ото дня,
Изрядно в жизни преуспели.
И отчего-то лишь меня
Влекла недостижимость цели.

Мне попросту претила власть,
Меня карьера не прельщала;
И, если б я хотел украсть,
Мне было б всех сокровищ мало.

Ползти — от пешки до ферзя?
Не годы — жалко было день мне!
Я выбрал то, чего нельзя
Купить ни за какие деньги.

Пробраться в знать через кровать,
Чтоб врать о родословном древе?
А я предпочитал мечтать
Не меньше, чем о королеве.

Пока приятель лез в постель
К той, чей папаша был заслужен,
Я ревновал Эмманюэль
К ее любовникам и мужу.

Я верил, что моя судьба
Всех исключительней на свете;
Я целый век искал тебя
И все-таки случайно встретил.

Жизнь искушала нас не раз,
Но мы пощады не просили.
И вряд ли кто-нибудь до нас
Любил, как мы с тобой любили.

И пусть, расставшись сгоряча,
Вернуться так и не смогли мы.
Тем притягательней мечта,
Чем пропасть — непреодолимей.

* * *

Коль не суждено достигнуть цели, —
Чтобы не засохнуть от любви,
Вот бы мне погибнуть на дуэли
За глаза красивые твои.

Муж твой — добрый малый из глубинки —
Коммерсант, зануда и эстет
Где-то на Черемушкинском рынке
Приобрел недавно пистолет.

И теперь, как прихожу я в гости,
Завожу с тобою разговор,
Вижу, зеленеет он от злости,
Как хамелеон на фоне штор.

Время к ночи, он сидит, зевает,
Но упорно не ложится спать.
Он не зря меня подозревает!
Что ж, пускай, — мне нечего скрывать.

И хотя в предчувствия не верю,
Как-то раз — готов идти на спор! —
Позвоню я, он откроет двери
И — помедлив — выстрелит в упор.

Я отпряну, подкосятся ноги,
Улыбнусь и, подмигнув ему,
Я умру — красиво — на пороге,
На пороге к сердцу твоему.

* * *

Боже, до чего же одиноко.
Слово — словно выстрел наповал,
Уходя, ты бросила жестоко:
От любви никто не умирал.

Признаюсь, я спорить не умею,
Но сейчас скажу напрямому,
Я ни разу не желал сильнее
Чью-то доказать неправоту.

Не сочти за неуместный юмор, —
Я на казнь готов был за тебя.
Мне плевать, что кто-то там не умер,
Значит, он и не любил, как я.

Вспомни, ты ведь верила всегда мне
И не возражала мне в ответ,
Ты поверила мне, что ты ангел,
Что тебя прекрасней в мире нет.

Ты же знаешь, ложь я ненавижу.
И теперь, — тебе я не грожу, —
Я пишу, но то, что я не выжил,
Будь благонадежна, докажу.

* * *

Задача. А — банально любит Б,
Не ведая, бедняга, что творит он.
Блондинка Б, по Канту, — вещь в себе,
А попросту — триумф гидроперита.

По-своему умна, — ни дать, ни взять;
И только хорошеет год от года.
Хотя, признаться, неподвзятый взгляд
В ней ничего такого не находит.

Но А — влюблен, и, следовательно,
Он числит слепоту за чистый разум.
Б — ангел, остальное — все равно,
И путь пустым сомнениям заказан.

А — счастлив; он считает, все — тщета,
Жизнь без любви имеет вкус эрзаца.
Но как-то раз Б сообщает А,
Что почему-то им пора расстаться.

А — в шоке, А — ошеломлен весьма;
Он силится понять, что это значит;
Он опасается сойти с ума.
Но в том и заключается задача,

Чтоб как-нибудь логически постичь
Причину пресловутого разлада.
Блондинка Б — отчаянно молчит.
Но ей-то, впрочем, ничего не надо.

И все ж ответ получен. Бедный А!
Вся выделка не стоила овчины.
Она не помнит, почему ушла;
Но раз ушла, — на то была причина.

Философы, поверьте, спорить с ней
Не по уму окажется кому-то,
Ведь логика блондинки тем сильней,
Что с ходу достигает абсолюта.

В два действия задача решена,
И ей плевать на все сомненья мира.
Что Гегель ей, что Гегелю она,
Чтобы рыдать?. И как там?. У Шекспира...

* * *

Я не пойму, за что я так наказан,
И, очевидно, казнь — не по вине.
Но я не упрекну ее ни разу,
И вся вина пускай лежит на мне.

Она звала себя моей подружкой,
А я не знал, от счастья сам не свой,
Что я связался с заводной игрушкой,
Зачем-то притворившейся живой.

Она себе корысти не искала,
Неосторожных сторонилась тем,
И до тех пор, пока ее не стало,
Она себя не выдала ничем.

Откуда в ней взялась такая сила,
Чтоб превозмочь природы приговор?
Она — по-настоящему — любила,
И чувствую, что любит до сих пор.

Мой человечек, девочка-снежинка.
Я сам растратил драгоценный клад.
Какая-то пустяшная пружинка
Сломалась в ней, и все пошло вразлад.

Я чем-нибудь обидел не нарочно
Ее. Но я любил, и видит Бог,
Я умолял простить меня за то, что
Сам от себя ее не уберег.

Да, я готов, ни в чем не обвинюсь,
Вину свою безропотно признать.
Но, если б вдруг она ко мне вернулась,
Я смог бы оживить ее опять.

Я смог бы упросить ее: доверься,
И я сумею, только согласишься,
В игрушечное трепетное сердце
Вернуть любовь, желание и жизнь.

* * *

Я завидую тем, кто умеет скучать,
Мечтать перед сном, листая страницы.
А я не хочу ничего читать,
И мне давно ничего не снится.

Я не сплю которую ночь подряд
Не от бессонницы, а оттого лишь,
Что, закрыв глаза на злосчастный разлад,
Жду, когда же ты позвонить изволишь.

Не напрасно смерть красна на миру,
И не просто порой от нее отпрянуть.
Мы с тобой азартно сразились в игру
Под названием — кто кого переупрямит.

Но, закончив матч ничьей нулевой,
Поздно после свистка демонстрировать трюки.
Впрочем, мне не было скучно с тобой,
А теперь подавно мне не до скуки.

Пустоты, куда нас занесло в полусне,
Мы могли избежать, вовремя пробудись мы;
Но тебе, вероятно, хватало вполне
Доморощенного буддизма.

Вряд ли нам погрязнуть грозит в мелюзге,
Бесполезно просить нас — остановитесь.
Ты воспитывалась на модном БГ,
Пока я по привычке учился у Beatles.

Мне твердили — сдайся и не прекословь;
Но не я ли всегда уповал на удачу.
Я считал, — все, что нужно, — это любовь,
И до сих пор не считаю иначе.

Но затеянная некстати игра
Все, обоим нам близкое, сделала дальним;
Мы прижились за гранью зла и добра,
Упиваясь безбрежным самообладаньем.

Но не стоило ставить на карточный блеф,
Раз нельзя победить, с собой не сражавшись.
Как нельзя воскреснуть — не умерев,
Как вернуться нельзя — не расставшись.

* * *

Суд совершился. Ходу нет обратно.
Судья устало комкает парик.
Моя вина доказана стократно
За неопровержимостью улик.

Мне не дали произнести ни звука
В свою защиту. Все, вопрос закрыт.
И приговор — пожизненная мука —
Обжалованию не подлежит.

Нет, оправдаться я бы смог едва ли.
Но трижды сожалею об одном,
Что мне в вину настойчиво вменяли
Небрежность в обращении с огнем.

Бедна ли жизнь сюрпризами, богата ль, —
Я честно жил, душою не кривил;
И все же осужден, как поджигатель,
Не ведающий сам, что натворил.

Не стану лгать, как будто хладнокровно
Я принял заключительную речь.
Я был охвачен пламенем любовным,
Тем самым, — что сумел в тебе разжечь.

Я сознавал последствия провала,
Как худшее из постижимых зол.
И ты, на чью защиту уповал я,
Оставила меня на произвол.

Казалось, что я стал тебе не нужен,
Что мною за любовь проигран бой.
Но пламя уже вырвалось наружу
И стало неподвластно нам с тобой.

Пусть судьи всех мастей оставят в силе
Свой наспех сфабрикованный вердикт, —
Живой огонь они не погасили,
И не напрасно снова он горит.

ИЗ ПРОРОКА ИСАИИ

Свет потускнел. Победу праздновало зло —
Досадный результат грехопаденья.
Тысячелетиями время протекло,
Достигнув невозвратного мгновенья.

Но торжеством преобразования была
От сна пробуждена благая сила,
И сонмы ангелов расправили крыла,
И тьма рассеялась и отступила.

Так жив Господь, вовек хранящий Свой завет!
От сотворенья, с самого начала —
Ни разу не был предан поруганью свет,
И тьма ни разу верх не одержала.

* * *

В непридуманном мире кончается лето,
Посвежело в преддверие дня Ильина.
Но куда — листва желтизной не задета,
И дубрава до самого дна зелена;

Дышит луг ароматом полынной настойки,
И нескошенный вереск под солнцем хрустит;
У опушки галдят оголтелые сойки,
Лишь ольшаник, колышимый ветром, грустит.

Но пока холода не ложатся на травы
Сизой изморозью, вызывая озноб,
Жизнь творится по неоспоримому праву,
С торжеством пробуждаясь от утренних снов.

Свищет жаворонок, над землею зависнув,
Заходясь от восторга, забыв обо всем.
Мир, рожденный в любви. Не ревнив, не завислив,
Он живет по завету — сегодняшним днем.

Золотой горизонт облака окаймили;
И пока — терпеливая труженица —
Ждет ненастья земля, в непридуманном мире
Проявляется воля Живого Творца.

ФОТОГРАФИЯ

Михаилу Панину

Женское начало переменчиво,
Нам грешно их волю поощрять.
Но одна — единственная женщина
Мне могла велеть и запрещать.

Пусть она, бывало, заупрямится,
То не этак, это вдруг не так.
Верил я, она — моя избранница,
А капризы женские — пустяк.

Для чего стремился жить в угоду ей?
Словно с глаз упала пелена.
Пьяной полусладкою свободой
Упивается теперь она.

Будто наважденье, будто мания —
За любовь пожертвовать собой.
Я-то верил, коль она — судьба моя,
Я сумею стать ее судьбой.

Было бы мне вовремя задуматься,
Что всему назначена цена,

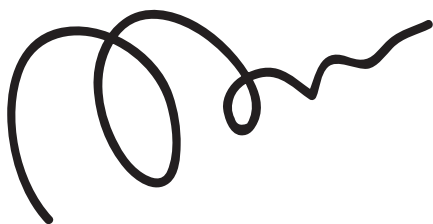
Что она — красавица и умница —
Мне не даром, может быть, дана.

Может, ею обладать не вправе я,
Как дождем, как ветром на дворе.
На стене осталась фотография
На перекидном календаре.

Мне на снимке том она пока верна,
Сердце в чистоте хранит свое...
Щелкает затвором фотокамера,
Обручая с вечностью ее.

АВГУСТ

Ветер! кто тебя наваял к белому крыльцу у дома
Теплым августовским небом, неукрашенным луной?
День Ильин прошел без грома; в ожиданье перелома
Тщетно ласточки сновали над опушкой лесной.

Где березовый излишек режет поле клином чахлым,
Где простуженная речка утекает в камыши,
Чистый ветер, там с тобою я бы встретился случайно,
А у брошенного дома никого ты не ищи.

Ты не медлишь, легкий ветер, только погоди немного,
Я к назначенному месту не замедлю в свой черед;
Ночь — удача, смерть — дорога, погоди же, ради Бога, —
Кто ушел — вернется к сроку, да не мне бы наперед.

Все в округе попритихло. Спят ли, запершись?

А впрочем,

Раз никто идти не хочет, мне ли отступить назад.
И прошу я: добрый ветер, пожелай мне доброй ночи,
Я иду к тебе навстречу через августовский сад.

* * *

Полянка, Якиманка и так далее, —
Вся тайнопись заветных наших встреч.
Спасибо, улочки, за то, что лгали мне,
От худшего стараясь уберечь.

Спасибо вам за то, что вы не предали,
Не вытолкнули за борт на авось;
Что с глазу на глаз со своими бедами
Ни разу мне остаться не пришлось.

Каретный Ряд, Петровка не помянут нам
Грехов, противоречий и проблем.
И я себя не чувствую обманутым,
И верю, ты ушла не насовсем.

Я знал и пострашнее испытания,
И я не стану попусту скулить.
И никого взамен искать не стану я,
Чтоб от тебя — себя освободить.

Друзей на суд не созывали все мы.
Кому дано направить реку вспять?
Но ты по-прежнему непредсказуема,
И кто подскажет, что нам завтра ждать.

Остоженка, Волхонка, помогите нам
Вернуть однажды проторенный путь.
Пускай препятствий видимо-невидимо,
Но я упрямый, я готов рискнуть.

* * *

Его стая для славы растила,
Он привык побеждать. Но теперь
Кровь сочится в траву, и насилу
Рыщет по лесу раненый зверь.

На мгновение он выпал из круга,
И, стыдливо потупив глаза,
От него отвернулась подруга,
От него отказались друзья.

Только смерть где-то рядом, все ближе
Шаг за шагом. Чего ожидать?
Он матерый, он знает, как выжить.
Он не знает, зачем выживать.

Лишь мучительно чует, что это
Исключительно волчий вопрос,
И пока не получит ответа,
Он не сможет бороться всерьез.

На границе звериного лога
Он приляжет на хвойный настил.
Он поверил бы в волчьего Бога,
Если б тот за него отомстил.

Он не станет зализывать раны,
Гнать страдание, гордость и стыд,
И умрет оттого, что упрямо
Пораженья себе не простит.

* * *

С тех пор, как, долистав последний том,
В последний раз за мной закрыла дверь ты,
Я день за днем ловлю себя на том,
Что постепенно привыкаю к смерти.

Я ни за что тебя не осужу,
Ты для меня все тот же ангел сущий.
Что смерть! Теперь я даже нахожу
В ней ряд неоспоримых преимуществ.

Мне не грозит дожить до старика,
С болезнями уже не страшно слечь мне.
Пусть жизнь сладка, но слишком коротка,
А смерть, по крайней мере, бесконечна.

Ты напоследок бросила — прости,
Лучась сияньем ангельского света.
Напрасно я молил меня спасти,
Мой голос оставался без ответа.

Ну что с того? Тебя я упрекну ль,
Что ты мне ничего не отвечала?
Я умер в феврале. Теперь июль.
Для вечности лишь самое начало.

Занятно знать, что сможешь все успеть,
Всего достичь, смеясь всего добиться.
Мне повезло при жизни умереть,
Чтобы внезапно в смерти возродиться.

Я бы мечтал тебя вернуть назад,
Но я себя ничем не обольщаю;
И все, что в жизни не успел сказать,
Теперь тебе посмертно посвящаю.

Я больше не страдаю, не молю
И тщетно не взываю к милосердью.
Но тем сильнее я тебя люблю,
Мой кареглазый ангел — ангел смерти.

* * *

Тень не напускаю на плетень я, —
Дни постылы, сны давно пусты.
Безнадежный пленник вдохновенья
И заложник женской красоты.

Сотни раз встречал ее во сне я,
Тысячу ночей провел без сна;
Точно чувствовал, что встреча с нею
Вечностью predetermined.

Лето начинало с подмалевка,
Нанося неброские штрихи.
Как река, Большая Пироговка,
Не спеша, втекала в Лужники.

Образ той, что снилась мне ночами,
Я переносил на чистый лист,
И, когда мы встретились случайно,
Различил ее из тысяч лиц.

Только был — предупрежденьем свыше —
Странный сон, как окрик, — берегись!
Будто с нею мы стоим на крыше,
И она соскальзывает вниз.

Знал бы я, чем сон мой обернется,
Бросил ли я вызов небесам?
Кто умен, — всегда остережется;
Только я был молод и упрям.

Верил, что бы ни случилось с нею,
Все напасти я перелистну.
И любил ее стократ сильнее,
Вопреки приснившемуся сну.

Но судьбу не провести с наскока,
Обух плетью не перешибешь...
Осень надвигается до срока,
К вечеру пойдет, возможно, дождь.

Я один. Один за все в ответе,
Сплю я или грежу наяву.
По Хамовникам гуляет ветер,
Разгоняя стылую листву.

* * *

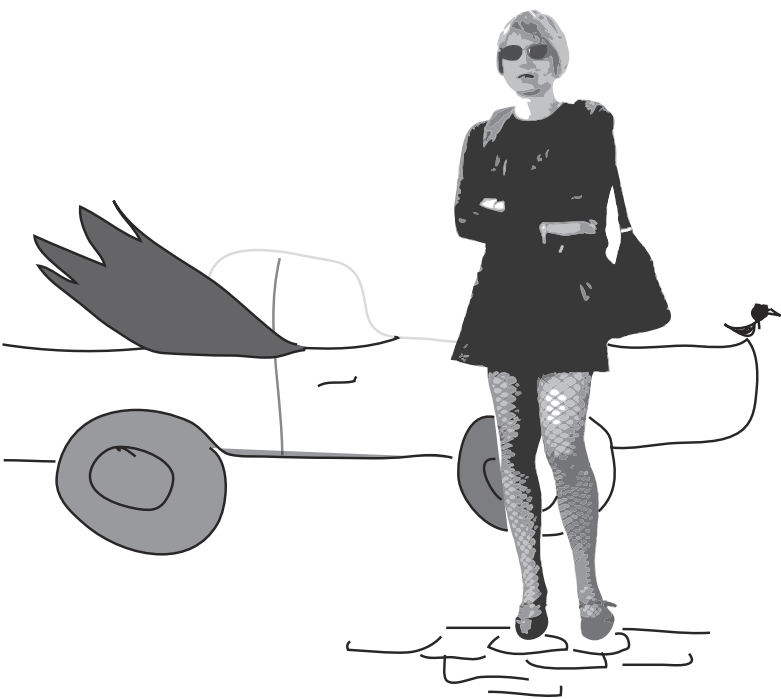
Я помнил все. Мельчайшая подробность
Не позволяла справиться с собой.
Мне впору было вытравить твой образ,
Плеснув на сердце серной кислотой.

Смущала, впрочем, противоречивость
В моих попытках выявить мотив;
И я не понимал, как получилось,
Что ты тайком решилась на разрыв.

Не я ль боготворил тебя без лести,
Не находя порой достойных слов;
И каждый миг, пока мы были вместе,
Переживал, как тысячу веков.

Кто знал, что счастье может стать напастью,
Что безрассудство нас способно сжечь,
И всей моей безудержною страстью
Однажды ты захочешь пренебречь.

На чем в тот вечер мы с тобой преткнулись?
О чем ты промолчала, уходя
В ночную сеть замороженных улиц,
В густую вязь тревожного дождя?

se

* * *

Я снова заглянул к тебе с утра.
Спросонок ты была слегка капризна,
А захлестнувшая Москву жара
Отнюдь не добавляла оптимизма.

Я, как всегда, принес тебе цветы, —
Три крупных разноцветных хризантемы.
Я не устал надеяться. Но ты
Старалась не касаться скользкой темы.

А впрочем, я прочел в твоих глазах,
Воспользовавшись выпавшей минутой,
Что ты готова сделать шаг назад
И только слишком медлишь почему-то.

Казалось, шаг — и можно все вернуть.
В какой-то миг я думал, оставалось
Лишь поступиться гордостью чуть-чуть.
Но ты упрячилась и не сдавалась.

Нам примириться вновь не удалось.
Мы выбрали во двор неторопливо,
Когда внезапно всю Москву насквозь
Пронзил июньский первозданный ливень.

Прозрачные, как будто акварель,
Ни в ком не вызывая беспокойства,
От каждой капли, выпавшей на Кремль,
Бежали концентрические кольца.

Бульварное, Садовое кольцо...
И вплоть до кольцевой автодороги
Дождь то хлестал порывисто в лицо,
То вдруг, раскаявшись, стелился в ноги.

И мы с тобой, как прежде, без затей
Стояли под зонтом, обняв друг друга.
Как будто дождь нам послан был затем,
Чтоб вырваться из замкнутого круга.

* * *

Безумствовать — право поэта.
Он вечностью дышит. И все ж
Он дорого платит за это
Тем, что на других не похож.

Не то, чтоб он был безупречен
В суждениях иль мыслях своих,
Не то, чтоб в грехах не замечен
Иль грешен сильней остальных,

Не то, чтоб иначе воспитан,
Не то, чтоб... А впрочем, Бог вещь.
Предательство может простить он
И может погибнуть за честь.

Он может, не сообразуя
Действительность с вымыслом, жить,
Страдать от любви до безумья
И все же безумно любить.

Он ставит на чет или нечет,
Не глядя, почти наугад.
Он сам себе противоречит
На чей-то поверхностный взгляд.

Он выглядит гордым и вздорным
Рабом завиральных идей.
Но он не считает зазорным
Просить у того, кто сильней.

И раз не желает играть он
По правилам мира сего,
Все те, кому он непонятен,
Безумцем считают его.

Кто мнит себя ориентиром
Не пустит его на порог.
Но может безумство пред миром
В заслугу вменить ему Бог.

И он через все искушенья
Пройдет до конца, невредим,
Чтоб славить Творца и творенье
Божественным даром своим.

* * *

Карло Цахнакия

Возможно, я умел не так уж много
И, может быть, не многого хотел,
Но мне досталось освещать дорогу
Тем, кто до тьмы вернуться не успел.

Я не считал, что следует гордиться
Той искрой, что горит во мне, как дар.
Я научился не взирать на лица
И никогда с тех пор не прогадал.

Насчет судьбы я не питал иллюзий.
Как на бильярде, чтобы победить,
Всегда предпочитал играть по лузе
И в отыгрыш не думал уходить.

Мне мастера изысканного слога
Советовали сдерживать накал,
Но все, что было мне дано от Бога,
Я никогда под спудом не скрывал,

И верил, до тех пор, пока стараюсь,
Не притворяясь, быть самим собой,

Наградой будет мне чужая радость
От искры света, не объятай тьмой.

Я знал, что срок, который мне отпущен,
Как жребий, выпадает только раз,
Но не щадил себя и только пуще
Стремился израсходовать запас,

Чтоб, чувствуя, как кровь вскипает в венах,
С последней вспышкой, сбросив бранный груз,
Не умереть — перегореть мгновенно,
Как нить накала, исчерпав ресурс.

* * *

Ради исключения из правила
Я нарушу правила игры.
Свято место ты другой оставила,
Но оно вакантно с той поры.

Думаешь, я б не нашел позвать кого?
Выстроились бы, как на парад.
Только, кто отведал в жизни сладкого —
Горькому уже не будет рад.

Как бы ни казалось интригующе,
Мне с другою вряд ли по пути.
Ну, допустим, я сыщу такую же,
Лучше все равно ведь не найти.

Зря ты оттолкнуть меня стараешься,
Я ль не разглядел за столько лет, —
Ангелы, когда ты улыбаешься,
Улыбаются тебе в ответ.

Сроду не держался я за прошлое,
Зла не помнил, не таил обид.
Потому не обессудь за то, что я
Продолжаю верить и любить.

Стоит голову сушить, морочиться,
Так ли уж твой шаг непогрешим?
Я к тебе пришел из одиночества,
И меня не испугаешь им.

Я с тобою связан силой вышнюю,
Силою нездешней, неземной.
И другая будет третьей лишнею, —
Веришь ли, — безгрешный ангел мой.

* * *

Я жить привык азартно,
Сам не подозревая,
Что цель — проснуться завтра —
Не самая простая.

Но день за днем — как будто
Я снова просыпаюсь
Одним и тем же утром
С тех пор, как мы расстались.

Не станет верить бредням,
Кто слишком много вынес.
Но ты ушла, и время
С тех пор остановилось.

И мне пришлось поверить
Сквозь ожидания сумрак,
Что цель — дожить до смерти —
Не так уж и абсурдна.

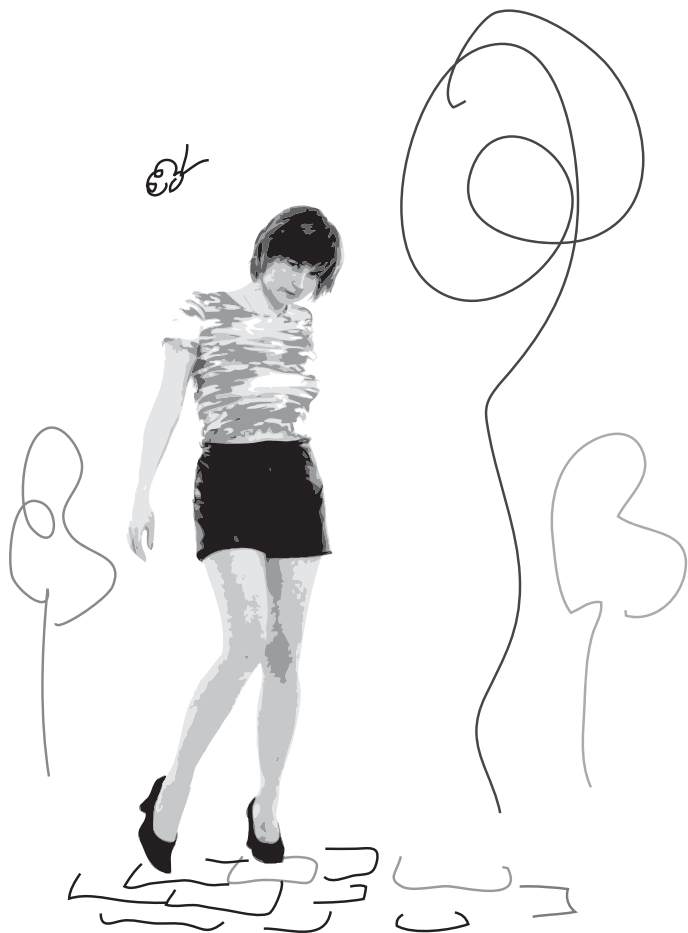
Я лишь прошу, скажи мне,
Как справиться с судьбою,
Когда не хватит жизни,
Чтоб стать самим собою.

Ты знаешь, как настырно
Стремился быть я лучшим,
Но, чтоб всего достигнуть,
Мне только день отпущен.

Да хоть бы четверть часа
Оставили всего мне,
Про цель — добиться счастья —
Я и тогда бы помнил,

И верил, — все, за что мы
Боролись, — достижимо,
И нет препятствий, чтобы
Любить и быть любимым.

* * *

Порой упрям, подчас настойчив,
Ни прозорливцем, ни слепцом —
Не даром я родился ночью
Меж скорпионом и стрельцом.

Мне как-то все давалось просто,
Я сызмала не знал проблем;
Но обладал завидным свойством
Себя не сравнивать ни с кем.

Случалось быть от небылицы
Я отличал не без труда,
Зато над глупостью глумиться
Бесчестным почитал всегда.

Не выносил досужих сплетен,
Боялся лжи, и потому
Стремился спрятаться от света
В спасительную полутьму.

Не становился на колени,
Не крал объедков со стола;
И не пытался бить из тени
Или стрелять из-за угла.

Я не заботился о числах,
Не размечал порядок дней,
На миг не чая разлучиться
С тобой — избранницей моей.

Я мог довольствоваться малым
И в сорок пять, как в двадцать пять.
И то, что мир — материален,
Мог никогда и не узнать...

Ты неуверенно и скупо,
И через слово невпопад
Старалась скрасить свой поступок,
Немыслимый, на первый взгляд.

Я окунулся, как подросток,
В страданий омут с головой,
И все ж не перестал бороться
За все, что связано с тобой.

Казалось, боль неутолима,
И ход судьбы несправедлив.
И мы с соперником незримым
Тебя тянули на разрыв.

Мы не желали друг про друга
Ни думать ничего, ни знать.
А ты застыла в центре круга,
С собой не в силах совладать.

Я понимал, — он ждать не станет,
Уверенный, что победит;
Но для подобных состязаний
Ты — неудачный реквизит;

И я, чтоб доказать, что слишком
Отчаянно тебя люблю, —
Не отступлю для передышки,
А безвозвратно уступлю.

И все. Пощады мне не будет.
Кого молить? О чем просить?
Не будет справедливых судей,
Чтоб мне победу присудить.

И больше никогда на свете
Нам не придется быть вдвоем.
И пустота. И белый ветер
В кавказском круге меловом.

* * *

Сырая ночь осеннего поселка,
Пора затишья и пора стихов;
Блестит звезда с небесного осколка,
Прорезавшего пряжу облаков.

Все звуки потонули в непогоде,
Лишь слышен скрип запечного сверчка.
И в этот час опять в мой дом заходит
Застенчивая девочка в очках.

Промокшая, она спешит разуться
И в кресло у камина сесть скорей,
А я боюсь не то, что прикоснуться,
Но даже робко обратиться к ней.

Мы просидим в неслыханном молчанье,
Покуда за окном забрезжит свет,
И блики, отраженные очками,
Поблекнут и начнут сходиться на нет.

Рассвет тесней обступит стены дома,
Неясно донесутся голоса;
Меня сморит безудержная дрема,
На миг забывшись, я сомкну глаза,

Почуяв тотчас локонов кудрявых
У самого лица прощальный взмах,
Прикосновение тоненькой оправы
И пылкость поцелуя на губах.

* * *

Мне даже мысль, — с тобою разойтись,
Казалась чем-то вроде святотатства.
Не знаю, в чем была твоя корысть,
Но ты сказала, — нам пора расстаться.

Что ж, ты была по-своему смела,
По крайней мере, с самого начала.
Кого уж там себе ты завела, —
Но ты напрасно время не теряла.

Я, впрочем, ничего не знал о нем;
Так, слухи, отголоски, слишком внешне.
Не то, чтоб он красив или умен,
А то, что называется — успешный.

Срок вышел. Я решил, — теперь пора
И мне освободиться от недуга.
Как вдруг под вечер ты пришла вчера
Тайком от новоявленного друга.

Я б ни за что на свете не посмел
Напомнить то, что между нами было;
Но ты сама легла со мной в постель,
Как будто ни к кому не уходила.

За стоном ты роняла легкий стон,
Когда со мной любовью занималась;
Я был, возможно, перевозбужден,
Но ты во мне не разочаровалась.

Я не устал, я все хотел еще,
Пока ты просто не взмолилась, — хватит.
Ты плакала, уткнувшись мне в плечо,
Потом дремала рядом на кровати.

Я знал, что ты уйдешь наутро прочь,
Не помышляя даже оглянуться,
И вся наша любовь, как эта ночь,
Совсем не повод, чтоб ко мне вернуться.

Но я уже не верил, что рассказ
Исчерпан до последнего абзаца.
И ты вернешься — в следующий раз,
Чтоб больше — никогда не расставаться.

* * *

Я не верю в намеренье добрых,
Не завидую замыслу злых.
Мне хватает довольно подробных
Наблюдений за гибелью их.

Я не сплю. Созерцатель бесцельный
Я исследую мир мертвецов.
И меня забавляют со сцены
Тени полузабытых отцов.

Там, за гранью реального мира,
Где часов прекращается ход,
Параджанов поставит Шекспира —
Так, что Гамлет в конце не умрет.

Пусть не с первой попытки, так с третьей,
Им, терять — не терять, все равно.
Мы — живем в ожидании смерти,
А бессмертие — мертвым дано.

Им дана простота совершенства
В равнодушии к нашим страстям...
Но и я — за монетку в шесть пенсов
Первородство свое не продам.

Я ничем никому не обязан,
Это главное. А во-вторых,
Мир, с которым покуда я связан,
Не делю я на добрых и злых.

В бронзе, мраморе, в гипсе, в граните ль
Вы хотите себе их вернуть.
Но, возможно, последний хранитель,
Тот, кому приоткрыли свой путь,

Я не сплю — между жизнью и смертью.
И, довольствуясь ролью слуги,
Я — за непроницаемой твердью —
Различаю бессмертных шаги.

ОККЕРВИЛЬ

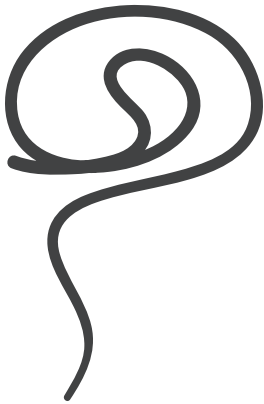
Я вновь в твой дом забрел до зари.
Предательская нервная дрожь.
Снаружи снег слепит, хоть умри;
Оступишься — следов не найдешь.

Без умысла, а просто каприз;
Игра в слова — вопрос на вопрос.
И я как новичок — в первый раз,
Как будто все зимой невсерьез.

Смерть сумерек — порочная ночь.
Сорочка соскользнувшая с плеч.
И стоны — то ли смех, то ли плач;
И стены осветил лунный луч.

Унялся снегопад навсегда.
Наутро расставанье без сил.
Вода сочится из-под льда.
Окраина. Река Оккервиль.

* * *

Рассвет. Остывшей ночи след простыл.
Сон отступил, пора проснуться.
Я не страдал избытком смелости,
Но свято верил в безрассудство.

Я знал измену. Но пока дышу,
Я не хочу тужить об этом.
Я жил, как Бог положит на душу,
Чужим не следуя советам.

Скучал, когда случались споры, я,
И путал следствие с причиной.
И вся всемирная история
Меня ничуть не научила.

Полгода изнывал от боли я
Вблизи последнего предела.
Но я был горд собой тем более,
Что ты меня не пожалела.

Я не считал тебя предателем,
И лишь себя винил в потере;
И в то, что вдруг решишь солгать тебе,
Сам ни за что бы не поверил.

Расстаться молча было лучше, чем
Достичь черты уничиженья.
Но я зачем-то смалодушничал
На твой последний день рожденья.

Я бы не повторил сейчас слова,
Беспечно брошенные мною.
Нет, я не допускал, что счастлива
Ты сможешь стать такой ценою, —

Ценою страсти неисчерпанной,
Ценой любви неутолимой,
Всего, что небом предначертано
И нас с тобой влечет незримо.

И только не случилось поздно бы,
Когда воспользоваться шансом
Два сердца, друг для друга созданных,
Так до конца и не решатся.

* * *

Москвою снова правит листопад,
Почти тысячелетие подряд
Усталая листва под ветром сохнет.
Пускай непритязателен, но храбр, —
Берет палитру с красками октябрь
И сурик густо смешивает с охрой.

День-два — и город тяжело узнать;
Едва ли это можно оправдать
Издержками сезанновского взгляда.
Он был замысловат, лукавый галл,
Но сам себе при этом он не лгал,
И, стало быть, его винить не надо.

Париж всегда был тайной под замком,
И все ж казалось, — нас туда пешком
Вела географическая карта.
Уж за семь лет с тобою как-нибудь
Небрежно мы преодолели путь
От Крымской набережной до Монмартра.

Там тот же листопад во всей красе;
Но все под дебаркадером д'Орсе
Предпочитают черпать впечатленья.

А я, набрев на игроков в шары
На пяточке у сада Тюильри,
Был счастлив, как участник приключенья.

Я смог припарковать «Рено» на спор
У самой базилики Сакре-Кёр,
Как будто выиграл пари на тыщу.
Сведя на полушепот разговор,
Мы не спеша с тобой прошли в собор,
Кошунственно не подавая нищим.

Перед тобой рассеивалась тень;
Степенно, со ступени на ступень
Ты восходила, словно королева.
И верилось, что мир — неразделим,
И нас хранит Саровский Серафим,
Как нас хранит святая Женевьева.

Через три дня, на праздник Покрова
Нас будет ждать осенняя Москва,
Дождливых улиц дрожь и ветер колкий.
Но вновь Парижем станет воздух пьян,
Когда с тобой нас позовет Сезанн
К Цветаевскому дому на Волхонке.

ДУЭЛЬ

От чистого сердца — до чистого снега
протянут багряный рассвет; без огня
Клонится свеча; в предвкушении бега
Конь пробует землю; на хрупких санях
Ямщик дожидается, тускло уставясь
На вытявшийся из-за сосен кружок,
В котором колышется, вширь разрастаясь,
Продрогшее небо. Как будто прыжок
Готово уже совершить из укрытья
На свадебный поезд; и кто-то седой
По склону взбегает с недюжинной прытью
И тут же, склонившись, трясет головой,
И сыплется иней. И все это длится
От силы какой-то десяток минут.
И снег под ногами скрипит и искрится,
И черное тело вдоль речки несут.

* * *

Над Маросейкой промозглая морось,
Вечер исчерчен рассеянным светом;
Осень московская, не церемонясь,
Власть упивается властью над летом.

По закоулкам, сквозь сумрак прогорклый,
Кружится бронзовый звон колокольный;
В монастыре на Ивановской горке
Служат вечерню под праздник престольный.

Знать бы, откуда нагрянет напасть к нам,
Стали б пенять на дурную погоду?
День, безразлично — сухой иль ненастный,
Прожитый врозь, отбирает по году.

Много ль отмерено времени впрок нам?
Верить иль нет предсказаньям осенним?
В старых строениях мокрые окна,
Словно пустые отверстия в стенах.

Все-таки вскользь разглядеть удалось мне
Зыбкие контуры тронного зала,
Где, невзирая на зябкую осень,
Ты для меня одного танцевала.

И, красотой твоей девственной тронут,
Мог ли поверить я, — поздно иль рано
Мимо меня ты прошествуешь к трону,
Как Саломея с главой Иоанна.

ОДИНОЧЕСТВО

1

Все додумано, дочитано.
Ночь, но спать ничуть не хочется.
Никогда я так мучительно
Не мечтал об одиночестве.

Все меж нами пересказано,
И не нужно оправдания.
Мы с тобою слишком разные.
Мог ли кто сказать заранее?

И к чему богатство, слава ли,
Раз любовь — лишь воля случая?
Если б все меня оставили,
Я б не чаял лучшей участи.

Я бы сбросил страсть постыдную
К равнодушному презрению
И, как древние пустытники,
Понуждал себя к смирению.

И когда со властью демонов
Удалось бы мне расправиться,

Я б во всем, что мной содеяно,
Со слезами бы раскаялся.

Навсегда оставил жалобы
На непостижимость истины;
Никого не осуждая бы,
Жил молитвою единственной;

Никому бы не завидовал,
Повторяя с ночи до свету
Строки из псалма Давидова:
«Исповедайтесь Господу...»

2

Хоть бы кто — из новых ли, из старых
Справился, да жив ли я, здоров?
Не звонит Алешка Комисаров,
Не звонит Серега Иванов.

Снова все творится от начала,
Хлынула весенняя волна.
Я ли одиночества не чаял?
Так изволь же получить сполна.

Что таить, из многих наказаний
Худшего я заслужить не мог.

Видно исполнением желаний
Нас всегда наказывает Бог.

Только верно сказано в Писанье:
От судьбы не уклоняй лица;
Бог нам посылает испытанья,
Но не оставляет до конца.

И покуда жизнь мне не постыла,
Снова все готов я повторить;
У меня еще достанет силы
Радоваться и благодарить.

Оттого, что битому нейметя,
Все ко мне вернется в свой черед, —
Кто семь раз на молоке ожжется,
Тот на воду дуть перестает.

ee

* * *

Я оступался, торопясь,
Но поднимался сам;
И, сколько помню, отродясь
Не верил вещим снам,

Насмешливо пренебрегал
Расположеньем звезд,
И знакам свыше не желал
Довериться всерьез.

Не прибывал к дверям подков
И, как само собой,
Считал, что не для слабаков —
Соперничать с судьбой.

Из самых диких передряг
Я выходил, смеясь;
Бессмысленное слово — страх
Преобразуя в — страсть.

Но ангел, что меня берег
От всех на свете зол,
Ступил однажды за порог
И в темноту ушел.

Ночь воспаленною волной
К утру пустилась вспять
И захлестнула с головой,
Мешая мне дышать.

Я удержался на плаву,
Меня спасли друзья.
Но боль, с которой я живу,
Ни с чем сравнить нельзя.

И все ж от жалости уволь,
Что слезы лить ливмя;
Мне досаждают эта боль,
Но эта боль — моя.

Пусть без причины, как чумной,
Фантому верю я, —
Но не отрину ничего,
Пока люблю тебя;

И во внезапной тишине,
Слух истончая в нить,
Дыханье ангела во сне
Сумею различить.

* * *

Не спешите меня позабавить.
Жизнь не пишется на черновик;
Что прошло, то спроста не исправить,
Я от смерти пока не отвык.

Сколько раз избегал я страданий,
Без опаски срывая стоп-кран.
Я не верил, ступая по грани,
Что когда-нибудь выйду за грань.

Я смеялся, не подозревая,
Что запущен обратный отсчет,
Что с удачей заигрывал зря я,
И часы сочтены наперед.

Тем бы кончилось, не покажись мне,
Что мой срок не исчерпан до дна
И что грань между смертью и жизнью
Все еще не преодолена.

Я себя распахнул до изнанки,
Чтобы ветер мне в сердце проник.
Я слонялся по людной Лубянке,
Я бродил по Покровке в час пик;

Я стучался к друзьям и подругам
Просто так, чтобы вытравить страх,
Лишь в какой-то немислимый угол
Загоняя себя впопыхах.

Почему свою боль я не смею
Сбросить, как наваждение с плеч?
Почему этой чертовой смертью
Нипочем не могу пренебречь?

Боже милостивый, помоги же,
Дай мне волю молчать и терпеть,
Когда сил не достанет, чтоб выжить,
И отчаянья, чтоб умереть.

РАССТРИГА

Как же я любил тебя, Ивановская горка;
Белый храм напротив древнего монастыря.
Сладок плод свободы, да раскаяние горько:
Что скопил — рассеял, что стяжал — растратил зря.

Слишком поздно сам себе сознался виноватым,
Что оставил стадо, как заблудшая овца.
Честным людям недостойн называться братом,
Нестойн сыном быть небесного Отца.

Грозный ангел вострубит, и разогнутся книги,
Все, что было тайным, все объявится на суд;
И низверженную душу падшего расстриги
Демоны в огонь неугасимый повлекут.

Но и падший может жить в последнем упованье:
Даже если в битве с духом побеждает плоть,
Может, за ничтожнейшее доброе деянье
Мне неисчислимые грехи простит Господь.

Оттого и возвращаюсь каждый раз упрямо
И стою, терзаем страхом вечного огня,
На замерзшей паперти отринутого храма
И прошу входящих, чтоб молились за меня.

* * *

о. Василию Брылеву

Студеным утром встать до света,
Одеться, валенки обусть
И не спеша пуститься в путь
Куда-нибудь. Пусть будет это —
Воскресный день, когда народ
Под гул метели спит беспечно,
Лишь изредка случайный встречный
Угрюмо к станции пройдет.

Околица — земли граница,
А дальше — ветер без конца,
Ни кустика, ни деревца;
И ничего не стоит сбиться
С дороги в снеговой пыли,
И только ради интереса
Ступать вперед, полоску леса
Случайно различив вдали.
Тропинкой, скрытой под поземкой,
Спуститься к руслу ручейка
И вдруг сквозь мглу, издалека
Почуять благовест негромкий.

Туда, туда, где над леском
Чуть висится знакомый купол,
Где в церковь убранную скупю
Старухи тянутся гуськом;
Укрыться, наконец, под крышу
И, мелких несколько монет
Подав убогому, в ответ:
«Спаси вас Господи!» — услышать.

* * *

Не верь, что с меня довольно,
Что мне теперь все равно.
Мы умерли в день влюбленных,
Как в трогательном кино.

Уж что там себе надумал,
Лукавый святой Валентин,
Но ты понимаешь, что умер
В тот вечер не я один?

Я сразу не смог поверить,
Что мы так просто умрем,
И вскоре жизнь после смерти
Пойдет своим чередом.

И все же забудь про жалость,
Жить прошлым не слишком с руки.
Любовь наша пережила нас
Всем пошлым страстям вопреки.

Судьбу не водили мы за нос,
Себе вынося приговор.
Но все, кто при жизни знал нас,
Хранят преданье с тех пор, —

Как, вечности сопричастные,
Без зависти, лжи, измен,
Мы жили долго и счастливо
И умерли в тот же день.

* * *

Не тоска — а уходить пора.
Над рекою месяц звезды удит.
Завтра будет то же, что вчера;
Это значит — ничего не будет.

Дом остыл, как ветхий монастырь,
И огонь в печи гудит, не грея.
На столе — старинная Псалтирь,
Образок Апостола Андрея;

Письма Пушкина (десятый том);
Твой забытый адрес на конверте...
Чистый лист с неначатым письмом
Так и пролежит до самой смерти.

Листопад — который день подряд
Все вокруг окутывает прахом.
Может, съездить в Сергиев Посад?
Помнишь, мне хотелось стать монахом?

Срок истек — как видно пожил впрок
Бывший странник в нашем мире странном.
Если вспомнишь — помолись разок
О твоём Андрее первозванном.

* * *

Она сидела и скучала,
Откинувшись к диванной спинке,
И из салфеток вырезала
Восьмиконечные снежинки.

Подрагивал огонь огарка,
И было не до разговора.
Лишь ножнички сверкали ярко
Из маникюрного набора.

Так длилось с полчаса примерно.
Она вставать не торопилась.
Я никогда не знал наверно,
Что на уме ее творилось.

Чему-то молча улыбалась,
И, как рождественская сказка,
Прекрасней ангела казалась
Согревшаяся кареглазка.

Рок, над которым был не властен,
Я пробовал умилосердить,
И бесконечно верил в счастье,
Как верит праведник в бессмертье.

О, Боже, как я был беспечен,
Мне было ничего не надо
Кроме сошедшего под вечер
Рождественского снегопада.

Снежинки кружевом бумажным
Стелились по полу лениво,
Как в фильме короткометражном
Из довоенного архива.

Понять, что происходит с нею,
Я все пытался сквозь потемки.
Но становилось все мутнее
Изображение на пленке.

И я признался, что навряд ли
Смогу остановить мгновенье.
Едва мелькнув в последнем кадре,
Она исчезла в затемненье.

* * *

Февраль все выбелил вокруг.
В стремленье самоутвердиться
Он, как пластический хирург,
Трудился над лицом столицы.

Москва не сразу поняла
Его намеренья благие
И к середине февраля
Достигла грани летаргии.

Воздвиженка едва плелась,
По Знаменке ползла поземка,
Казалось, с воздуха велась
Замедленная киносъемка.

Но пыл мой вовсе не остыл.
Я не гадал, что станет с нами,
И словно ангела любил
Чертенка с карими глазами.

Я лишь себя виню вполне,
Что упустил для счастья час свой
И что с таким чертенком мне
Не светит снова повстречаться.

Я все сберег до мелочей.
Я помнил, как давно когда-то
Мы шли почти полночи с ней
На Сивцев Вражек от Арбата.

Мы молча вглядывались ввысь,
Как звезды нам неслись навстречу,
Покуда не перебрались
В затихшее Замоскворечье.

И не было счастливей нас,
Когда под утро, став смелее,
Мы целовались целый час
У Третьяковской галереи...

Жестокость женщины сродни
Изысканному сладострастью.
Она не сознает вины,
Бесцельно упиваясь властью.

И не считается ни с кем,
Когда решает моментально
Сбежать от мелочных проблем,
Надуманых, полуреальных.

Чертенок взял над нами верх,
Решившись разорвать все разом.
И, как в насмешку, как на грех,
Назавтра был церковный праздник.

С тех пор заклиние на мне
Лежит. И, как я ни стараюсь,
С утра в одном и том же дне
Неотвратимо просыпаюсь.

И, словно вечность мне суля,
Вновь на календаре сегодня —
Пятнадцатое февраля.
Среда. И Сретенье Господне.

* * *

Снег порциями опускался вниз,
За уцелевшие цепляясь листья,
В отчаянье смягчить антагонизм
Крестьянина и автомобилиста.

Мир замерзал. Но город, как ковчег,
Сквозь зиму проплывал напрапалую,
Доказывая, — двадцать первый век
Не так уж страшен, как его малюют.

Я научился различать вполне
Понятия сомнительного толка.
Но все, что было век назад в цене,
С тех пор не обесценилось нисколько.

Стремиться к цели, голову сломя,
И умереть от старости в постели...
Нет, чтоб из-за любви сойти с ума
Или за честь погибнуть на дуэли!

Смерть оказалась мне не по уму,
Ума я мог легко лишиться сдуру,
Но уцелел. Возможно, потому,
Что слепо был привержен Эпикуру.

Снег опускался вниз, не торопясь,
Никак не добираясь до итога;
И к ночи над Москвою разнеслась
Неясная воздушная тревога.

Стушалась мгла, скрывая без следа
Весь город — от Лефортово до Пресни;
И граждане сновали кто куда
От головокружений и депрессий.

И только, не задетый кутерьмой,
Пес-поводырь вел за собой слепого.
Так наступал две тысячи седьмой
По счету год от Рождества Христова.

* * *

Я проиграл. Но я еще живой.
А коли так, я все-таки уверен,
Последний бой — останется за мной.
И значит — я сдаваться не намерен.

Проходит все, сказал Экклезиаст.
Но я себе позволю усомниться,
Ведь я борюсь не за себя — за нас,
И мне простится легкая ехидца.

Я преклоню колени в честь твою
В преддверье неизбежного сраженья,
Ведь лучше быть поверженным в бою,
Чем выжить, испугавшись пораженья.

Смысл — не в победе. Но и не в судьбе,
Не в том, что кажется неотвратимым;
И не во мне, и даже не в тебе,
А в том, чтобы любить — и быть любимым.

И пусть я буду обречен, и пусть
Умру заложником чужих решений,
Но я твержу упрямо наизусть:
Боящийся — в любви несовершенен.

Пусть все, кого любил и с кем дружил,
Советуют — смирись, остынь, расстанься.
Я проиграл. Но я покуда жив.
И значит — до последнего не сдамся.

Литературно-художественное издание

Андрей Галамага
КАРЕГЛАЗЫЙ АНГЕЛ

Редактор Эдуард Балашов
Обложка Александры Паниной
Оформление и верстка Бориса Базанова

Подписано к печати 15.10.2007.
Формат 70x100/32.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,25. Тираж 1000 экз.
Отпечатано: ИП Слюсарь С. Ю.

ОТ АВТОРА

В возрасте семнадцати лет, я приехал из Киева (тогда еще — матери городов русских) в Москву и поступил в Московский физико-технический институт. Родители мои — гуманитарии, отец — историк, а мать — филолог, преподаватель русского языка и литературы.

Спустя полгода я понял, Москва — это мой город; и не только обратно в Киев, но и куда-нибудь еще, я уезжать не собираюсь.

Русские корни матери взяли верх. Ее род восходил к вятским старообрядцам. Прадеда моего звали Василий Меркурьевич, а его родного брата Аристарх Меркурьевич. Почему-то эти имена до сих пор вызывают во мне какой-то едва ли не священный трепет.

На карьере физика, я поставил крест, дотянув через силу, ради спокойствия родителей, до диплома. Но, уже начав писать стихи, я столкнулся с непредвиденной проблемой. Мой киевский русский находился в таком же астрономическом удалении от настоящего русского языка, как и киевский украинский от настоящего украинского.

Может быть, поэтому я куда больше горжусь не дипломом выпускника Литературного института, а той пятеркой, которую получил на втором курсе на госэкзамене по русскому языку.